

На правах рукописи

ДРОЗДОВА АЛИНА ОЛЕГОВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ
СЮЖЕТОВ В ПОЭМАХ Ф.Н. ГЛИНКИ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь, 2024

Работа выполнена на кафедре истории и теории литературы ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель:

Васильева Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории литературы ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Официальные оппоненты:

Коровин Владимир Леонидович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Защита состоится ___ 2024 г. в ___ часов ___ минут на заседании диссертационного совета 24.2.411.04 по филологическим наукам на базе Тверского государственного университета по адресу: 170002, г. Тверь, пр-т Чайковского, 70, ауд. 48.

Полный текст диссертации и объявление о защите размещены на сайте ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», электронный адрес: <https://dissertations.tversu.ru/>

Текст автореферата и объявление о защите размещены на сайте ВАК, электронный адрес: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/>

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, 31/16.

Автореферат разослан « ___ » _____

Ученый секретарь
диссертационного совета

Хриптулова Т.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена проблеме поэтического переложения текстов Священного Писания, анализу принципов трансформации библейских сюжетов в художественной литературе. Особый интерес в этом отношении представляет творческое наследие крупного русского поэта XIX века, участника Отечественной войны 1812 года, Фёдора Николаевича Глинки (1786-1880). Философ и религиозный мыслитель, Ф.Н. Глинка создал своеобразный художественный мир, раскрыл глубокие духовно-нравственные проблемы, разработал особую систему поэтических жанров, в которой особое место занял жанр религиозной поэмы. Научный интерес к поэзии Ф.Н. Глинки обусловлен тем, что русская словесность в данном случае репрезентируется в синтезе с многовековыми христианскими традициями, вбирает в себя традиции средневековой культуры и современные поэту литературные и духовно-религиозные тенденции.

Актуальность исследования обусловлена тем, что неотъемлемой частью процесса воспитания личности является духовное развитие, которое основывается на обращении к традициям, некоему нравственному идеалу, содержащемуся в религиозной литературе, важнейшим источником которой является Священное Писание. Одно из направлений Национальных проектов по развитию сферы образования в России на 2019 –2024 годы заключается в воспитании всесторонне развитой личности на основе духовно-нравственных ценностей и исторических традиций народов Российской Федерации¹. В связи с этим важным представляется изучение художественных переложений священных текстов, анализ воплощения религиозного опыта писателей в литературных произведениях. Актуальность этого направления исследований подтверждается возросшим в современном филологическом дискурсе интересом к религиозно-нравственной проблематике в литературе.

В работе рассматривается одновременно степень проникновения и адаптации библейских и богослужебных текстов в поэтическом творчестве Ф. Н. Глинки, особенности трансформации данных текстов под влиянием авторского мировоззрения и социальных явлений того времени.

Степень изученности проблемы. Еще при жизни Ф.Н. Глинки его творчество становилось предметом анализа ряда критиков, в частности Н.В. Путьяты². На протяжении XX века литературоведы, такие как А. Ельницкий³, И.Н. Розанов⁴, В.Г. Базанов¹, В.И. Карпец², С.Р. Серков³, при-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.04.2021.

² Путьята И.В. Несколько слов о литературной деятельности Федора Николаевича Глинки. М.: Тип. Грачева и К, 1867. 6 с.

³ Ельницкий А. Глинка Федор Николаевич // Русский биографический словарь в 25 т. / Под ред. Н.П. Чулкова. М., 1916 (Репринтное воспроизведение. М.: Аспект Пресс, 1995). Т. V. Герберский–Гогенлоэ. С. 297-315.

⁴ Розанов И.Н. Федор Глинка // Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. М., 1914. С. 217-238.

стально изучали биографию и некоторые аспекты творчества Ф.Н. Глинки, стремились отыскать подход к изучению его наследия и определить место в отечественном литературном процессе. При этом особое внимание исследователи обращали на гражданскую поэзию Ф.Н. Глинки, рассматривали его произведения прежде всего в контексте декабристской поэзии. В последние три десятилетия литературоведы обращались к анализу типа религиозного сознания и художественного метода поэта (В.Л. Коровин⁴, И.В. Козлов⁵), значению видений и снов, эсхатологических мотивов в его творчестве, изучению масонского влияния на мировоззрение поэта (С.А. Васильева⁶). Крупнейший труд, посвященный анализу творчества Ф.Н. Глинки в контексте православной культуры, принадлежит В. П. Звереву, который исследовал духовную поэзию («Опыты Священной поэзии») и основные религиозные поэмы Глинки, привел множество ранее не издававшихся архивных документов, касающихся творческой истории наиболее значимых произведений поэта⁷.

Особенностям воплощения темы религиозной духовности в поэзии XIX вв. в целом посвящены некоторые новейшие литературоведческие публикации (Г.А. Химич⁸) и статьи дореволюционных русских критиков (А.Л. Волынский⁹), которые позволяют рассматривать творчество Ф.Н. Глинки в широком литературном контексте.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нём впервые осуществлен анализ поэтических текстов Ф.Н. Глинки в сопоставлении с текстом Священного Писания, являющимся источником сюжетов, символов и образов для поэта, в контексте эзегетико-теологической парадигмы православной направленности. Кроме того, научная новизна исследования обусловлена обращением к малоизученным религиозным поэмам Ф.Н. Глинки как

¹ Базанов В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961. 529 с.; Глинка Ф.Н. Избранное / Подготовка текстов к печати, примеч. и послесловие В.Г. Базанова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 489 с.

² Карпец В. Федор Глинка: Историко-литературный очерк // Молодая гвардия. М. 1983. № 52. 111 с.

³ Серков С.Р. Поэма Ф. Глинки «Ад». К истории «русского Данте» // Дантовские чтения. 1985 / Под ред. И. Бэлзы. М., 1985. С. 120-132.

⁴ Коровин В.Л. Библийские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века. Дис. <...> доктора филол. наук. М., 2017. 491 с.

⁵ Козлов И.В. Книга стихов Ф.Н. Глинки «Опыты священной поэзии»: проблемы архитектоники и жанрового контекста. М., 2006. 206 с.

⁶ Васильева С.А. Видения-пророчества в творчестве Ф.Н. Глинки // Будущее как сюжет. Тверь, 2014. С. 30-36.; Васильева С.А. Гармония и благодать в духовной поэзии Ф.Н. Глинки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. №. 1. С. 24-27.

⁷ Зверев В.П. Творчество Ф.Н. Глинки в контексте православной традиции русской литературы первой половины XIX века. Дис. <...> доктора филол. наук. М., 2002. 610 с.

⁸ Химич Г.А. Стихотворные переложения псалмов в отечественной поэзии XVII-XX вв. Дис. <...> канд. филол. наук. М., 2002. 212 с.

⁹ Волынский А.Л. Библия в русской поэзии. Эюд второй // Восход. 1887. № 9. С. 66-93.; Волынский А.Л. Библия в русской поэзии. Эюд первый // Восход. 1887. № 7-8. С. 72-95.

необычному феномену, значительно отличающемуся от аналогичных литературных явлений середины XIX века и наполненному не только эстетико-философским, но и важным догматико-экзегетическим содержанием. Кроме того, впервые подробному изучению были подвергнуты произведения, которые представляют собой концептуальное авторское переложение сакрального библейского текста, а не только включают в себя некоторые аллюзии или отдельные сюжеты из первоисточника.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в разработку методики анализа произведений духовно-нравственного содержания. Исследование вносит вклад в определение своеобразия жанра религиозной поэмы, уточняет и конкретизирует механизмы включения в художественный текст сакральных элементов (тексты молитв, псалмов, церковных служб). Результаты, полученные в ходе исследования, применимы для дальнейшего изучения вопросов, связанных с интерпретацией переложений библейских текстов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в рамках преподавания таких дисциплин, как история русской литературы XIX века, основы русской религиозной философии. Материалы и выводы работы будут интересны для специалистов по теоллингвистике, изучающих особенности трансформации религиозных текстов в художественной литературе, для исследователей творчества Ф.Н. Глинки.

Объект исследования составляют библейские сюжеты в религиозных поэмах Ф.Н. Глинки.

Предмет исследования: принципы и способы трансформации сюжетов Ветхого и Нового Завета, а также апокрифов и житийной литературы в религиозных поэмах Ф.Н. Глинки.

Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: трансформация библейских первоисточников в содержании, структуре, стиле религиозных поэм Ф. Н. Глинки носит индивидуально-авторский характер и подчинена художественному замыслу поэта; сюжетообразующие библейские элементы, взятые из святоотеческих писаний, тесно взаимодействуют с социально-историческим контекстом, воссоздаваемым в произведениях Ф.Н. Глинки; художественная реальность в поэмах Ф.Н. Глинки построена на основе архетипических библейских мотивов: мотив участия Божества в акте духовного преображения человека (поэма «Таинственная капля»), мотив аскетического характера пророческой миссии, предотвращающей духовную гибель человечества («Видение Макария Великого»), мотив невинного страдания и непостижимости Божественного Промысла («Иов. Свободное подражание Священной Книге Иова»); языковая личность Ф.Н. Глинки как художника слова раскрывается как личность православного христианина.

Цель исследования – выявить и систематизировать особенности и функции художественного переложения и авторской трансформации библейских текстов в религиозных поэмах Ф.Н. Глинки.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

– определить в религиозных поэмах Ф.Н. Глинки вероучительные принципы, характерные для православной традиции;

- выявить специфику художественного мира поэм с помощью детального анализа текстов;
- проанализировать религиозные поэмы Ф.Н. Глинки с точки зрения воплощения авторского мировоззрения;
- определить особенности молитвенного дискурса в религиозных поэмах Ф.Н. Глинки;
- установить влияние сакрального языка Писания на образно-семантическую и формально-поэтическую организацию художественной формы поэм Ф.Н. Глинки;
- проанализировать пути трансформации текстов первоисточника (текст Священного Писания и агиографические материалы) в поэмах Ф.Н. Глинки;
- изучить своеобразие художественных средств и способов включения библейских сюжетов в поэзии Ф.Н. Глинки;
- уточнить место и значение поэтического наследия Ф.Н. Глинки в русском литературном процессе, в контексте русской поэзии середины XIX века.

Материалом исследования послужило творческое наследие Ф.Н. Глинки, в том числе религиозные поэмы «Таинственная капля. Народное предание», «Видение Макария Великого», «Иов. Свободное подражание Священной Книге Иова», а также рукописи поэта. Следует отметить, что религиозные поэмы, составившие материал исследования, до недавнего времени находились на периферии литературоведения. Кроме опубликованных материалов, в работе использованы рукописные источники из Государственного архива Тверской области (ГАТО) и маргиналии, оставленные Ф.Н. Глинкой в рукописях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В религиозных поэмах Ф.Н. Глинки, основанных на библейских и апокрифических сюжетах, происходит интерпретация и трансформация текстов первоисточника в соответствии с индивидуальным авторским видением.
2. Библейские образы и духовно-нравственные парадигмы выполняют в поэмах Ф.Н. Глинки сюжетобразующую функцию. Функция сюжетообразования, основанная на включении библейского текста, осуществляется следующими путями: составляет центральную ось повествования; является одной из нескольких самостоятельных сюжетных линий; выражена во вставном микросюжете; формирует основу лирического отступления.
3. Можно выделить следующие принципы поэтического переложения библейских текстов, характерные для поэм Ф.Н. Глинки: использование текста Священного Писания в качестве трафарета, на который накладывается новое содержание, дополняющее и переосмысляющее источник; текст первоисточника – материал для экспериментов с формой стиха (сочетание разностопных ямбов, безрифменного хоря и античного гекзаметра); опора на полисемантическую, символическую, аллегорическую и личностное начало в библейском тексте, допускающем сотворчество (важна роль авторского мировосприятия в ветхозаветных лирических книгах: Книге Псалмов, Песни Песней, Книге Экклесиаста), а

также в апостольских посланиях, составляющих значимую часть Нового Завета.

4. Обращение Ф.Н. Глинки к библейским сюжетам, образам и мотивам лежит в русле развития духовной поэзии конца XVIII – начала XIX века, он принял участие в создании нового для русской литературы того времени жанра религиозной поэмы, что стало одной из основных его задач в середине XIX в.
5. Особенности трансформации библейских сюжетов напрямую связаны со своеобразием художественного метода поэта: прослеживается влияние романтической традиции, для которой характерно наличие эсхатологических мотивов и обращение к ирреальному миру, органично включенному в обыденность. Сверхъестественное влияет на духовное состояние героев Глинки, способствует их внутреннему очищению, при этом от интереса к отдельной личности поэт переходит к общеисторическому контексту, к нравственным проблемам всего человечества.
6. Религиозные поэмы Ф.Н. Глинки содержат дидактическое наставление автора современникам и потомкам. Большая часть лирических отступлений построена в форме проповеди и поучения, в которых через образное представление понятий «греховности» и «праведности» передается авторский призыв к читателям о необходимости следования нравственным законам. Поэмы Ф.Н. Глинки содержательно близки миссионерской и учительной литературе.
7. В результате включения сюжетообразующего библейского материала структура эпического повествования принимает разные композиционные формы. Сюжетно-композиционная структура поэм может быть: кольцевой, хроникальной, поступательной.
8. Ф.Н. Глинка совмещает в поэмах «Иов» и «Таинственная капля» новозаветные и ветхозаветные сюжеты с мотивами и образами из псалмов.
9. В некоторых случаях автор исполняет роль визионера, имеющего возможность наблюдать скрытые от взора обывателей явления, происходящие в духовном мире (например, в поэме «Таинственная капля» значимая роль отводится влиянию сверхъестественного мира на земную реальность). В то же время поэт становится пророком, предсказывая грядущие мировые события (поэма «Видение Макария Великого»).

В работе применялись следующие **методы** исследования: сравнительно-исторический, метод контекстуального и имманентного анализа, метод интертекстуального анализа, теолого-эзегетический, сравнительно-типологический, историко-функциональный методы. Основным приемом при анализе структурных единиц религиозной поэзии Ф.Н. Глинки стал интертекстуальный анализ, заключающийся в выявлении межтекстовых и внутритекстовых ассоциативных связей и приёмов.

Теоретико-методологической базой для исследования послужили работы ученых, посвященные:

– вопросам изучения библейских аллюзий в художественных текстах (Н. Ф. Злобина, Ю. И. Минералова, Г. А. Химич, В. Л. Коровин, Б. Н. Тарасова, Л. Ф. Луцевич, О. Ю. Юрьева, О. А. Баженова, О. В. Белова, А. Н. Ужанков, А. Лукашин);

– общетеоретическим основам литературы (М. М. Бахтин, Н. А. Богомолов, И. А. Виноградов, И. С. Леонов, Ю. М. Лотман, А. П. Западов, В. Е. Хализев);

– вопросам русской философии (П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, Г. В. Флоровский, Г. Г. Шпет, Н. И. Бердяев, И. А. Ильин);

– библейской экзегетике и герменевтике (А. М. Камчатнов, Н. Н. Елеонский, Н. Олесницкий, А. А. Рыбинский, Н. Н. Глубоковский, А. С. Десницкий, А. В. Окало, Э. Тисельтон);

– изучению творческого наследия Ф. Н. Глинки (труды В. Г. Базанова, В. П. Зверева, С. А. Васильевой, В. Л. Коровина, Ю. Б. Орлицкого, Л. Л. Ерохиной, Н. П. Жилиной, И. С. Козлова, Т. Г. Юрченко, В. Ф. Шубина).

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены в докладах на следующих конференциях: Научная конференция молодых исследователей XXV Ищукские чтения (г. Тверь, 2019), Научная конференция XXVI Ищукские чтения (Тверь, 2020), Всероссийская научная конференция «Поколение как сюжет» (Тверь, 2022), Всероссийская научная конференция «Век как сюжет» (Тверь, 2023), X Апрельская междисциплинарная научная конференция «Все тревоги мира: Беспокойство в литературе и искусстве» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), 2023), IX Апрельская междисциплинарная научная конференция «Все озарения мира: Анагоризис в литературе и искусстве» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), 2022).

Результаты исследования изложены в 7 публикациях, в том числе 3 статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы выстраивается исходя из целей и задач исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, состоящего из 255 источников. Объем диссертации составляет 203 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект, предмет, цели, задачи работы, методологическая база, представлен обзор литературных источников, посвященных разрабатываемой теме, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Традиция переложения текстов Священного Писания в отечественной литературе» проанализированы предшествующие исследования по вопросам парафразирования и художественной адаптации библейского текста, представлены результаты и сформулирована теоретическая и методологическая основа.

В разделе **1.1. «Культурно-исторический контекст изучения переводов Священного Писания в середине XIX века»** рассмотрены основные тенденции и направления в исследовании переводов библейских текстов к середине

XIX века не только в литературоведческом плане, но и с позиции экзегетики и догматического богословия. Представлены пути трансформации текста Священного Писания в художественной литературе, рассмотрен жанр «религиозной поэмы» в контексте развития русской литературы.

Одной из причин, по которой Ф.Н. Глинка обратился к переложению Священного Писания, было стремление «перевести» его на более образный, а поэтому и более понятный для простого читателя и слушателя язык. Эта цель зафиксирована в предисловии к поэме «Таинственная капля»¹. Необходимость такого литературного перевода сакрального текста Библии была вызвана тем, что в Православной церкви присутствует достаточно устоявшееся мнение о крайне строгом сохранении чистоты церковнославянского языка в богослужебных книгах. Но, несмотря на такую консервативность в отношении сакральных богослужебных текстов, первые попытки перевода Священного Писания на современный русский язык были сделаны уже в 1810-х годах.

Русское библейское общество начало свою деятельность по распространению переведенных на русский язык книг Священного Писания ещё в 1813 году. Целью созданного Общества стало бесплатное распространение Евангелия среди населения. Через такую просветительскую деятельность выполнялся указ императора о переводе текста Священного Писания на родной язык россиян, доступный для понимания не только лицам духовного сословия.

Переводами Священного Писания, но в меньшей степени точными, занималась и литература. Теория перевода библейских текстов разрабатывалась не одно десятилетие, а потому к XIX веку конкретные схемы работы со Священным Писанием отсутствовали, что позволяло авторам действовать, исходя из собственных представлений о правилах переложения сакрального текста. Этим же оправдывались сознательные корректировки и присутствие в текстах субъективных толкований, которые выражали сугубо авторское мнение и иногда отличались от догматически выверенных святоотеческих сочинений. Но следует отметить, что уже к концу XVIII века различали канонические переводы с незначительными комментариями автора и собственно художественные адаптации библейского текста. Возникающие в связи с разным прочтением и толкованием Священного Писания конфессиональные разногласия породили новое отношение к библейскому тексту, которое строилось уже не на догматическом изучении, а на научном – с позиции истории, филологии, социологии, археологии. В Европе появились новые научные дисциплины – библейская критика и библейская филология. Исследования, проведенные в рамках этих научных дисциплин, внесли значительный вклад в развитие библейской экзегетики.

Русское Библейское общество, получившее поручение от императора Александра I перевести на русский язык корпус книг Священного Писания, имело достаточно напряжённые отношения со «светской» литературой, особенно отличавшейся прозападными взглядами. Тем не менее за время своего

¹ Глинка Ф.Н. Таинственная капля: Народное предание. Т. 1–2. М.: Тип. М. Погодина, 1871. С. 5. Далее ссылки на это издание приведены в тексте с указанием страницы.

существования РБО сделало доступным перевод Библии, выпустив 15 изданий всей Елизаветинской Библии и 10 отдельных изданий Нового Завета.

В разделе 1.2 «Развитие поэтических переложений библейских текстов» на основе анализа теоретической литературы, посвященной переложениям текстов Священного Писания, рассматриваются история развития и основные этапы существования этого явления в литературном процессе, также исследованы особенности художественной адаптации сакральных текстов в русской литературе.

Начиная с XVII века в русской поэзии развивается новое направление, связанное с переложением библейских текстов. Анализируя парафразы, можно определить влияние литературных течений, исторических событий, культурных и языковых изменений на развитие религиозной поэзии. Следует учитывать, что каждое поэтическое переложение новозаветного или ветхозаветного текста включает в себя уникальное собственное толкование поэта и его комментарии, поэтому необходимо изучать религиозную поэзию не только с позиции теологического анализа, но и с точки зрения авторского замысла, особенностей творческой индивидуальности.

Иногда поэтические переложения библейских текстов ошибочно воспринимались читателями и критикой как подлинник, религиозной поэзии приписывалась сакральность самого Писания. Поэтому следует в качестве главного отличия художественного произведения определить его «десакральность», то есть «потерю священным текстом при его литературной интерпретации изначально определяющего свойства – “сакральности”, так называемая, “перекодировка смыслов“»¹. Духовная цензура, на протяжении десяти лет не пропускавшая в печать поэмы Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» и «Иов», не учитывала это основное свойство поэтического переложения библейского текста, что приводило к неадекватной оценке произведений.

Ошибка духовной цензуры, которую неоднократно пытался предотвратить Глинка в комментариях к «Таинственной капле», заключалась в том, что литературный авторский текст, лишь основанный на библейском сакральном тексте, принимался за само Священное Писание, искаженное поэтом. Поэтому строгие критерии, относимые только к боговдохновенному тексту, пытались применить и к художественному произведению, что, конечно, недопустимо.

В.П. Зверев считает: «противоречивость ситуации тут была в том, что эти религиозные сочинения (поэмы «Иов...» и «Таинственная капля») были весьма выверены автором и в догматическом православном отношении <...> Однако придирки шли к самым мельчайшим деталям, в которых виделось расхождение с канонами священного текста и догмами церкви, то есть выдвигались требования, которые предъявлялись к духовным церковным сочинениям канонического порядка»². К сожалению, даже многократные упоминания Ф.Н. Глинки о ху-

¹ Шкуран О.В. Сакральное и десакральное в языковом пространстве // Вестник КГУ. Серия: Филология. № 1 (68). 2018. С. 116-120.

² Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. С. 131.

дожественном, а вовсе не догматическом, характере своих произведений, не принимались во внимание цензурой.

В разделе 1.3. «Историко-богословский контекст творчества Ф.Н. Глинки» рассматривается развитие литературной мысли в середине XIX века с целью определения места и значения религиозного творчества Ф.Н. Глинки в литературном процессе.

В первой четверти XIX века Ф.Н. Глинка стал деятельным членом «Союза спасения», а впоследствии – «Союза благоденствия». Ближе к 1820-м годам Глинка выражал уже более умеренные политические взгляды, а в 1821 году совершенно отошел от декабристского движения. Ф.Н. Глинка вместе с Н.И. Гречем, А.А. Дельвигом, Г.С. Батеньковым входил в состав масонской ложи «Избранный Михаил», возглавлял которую их общий знакомый Ф.П. Толстой в период с 1815 по 1821 годы. Кроме того, все они являлись членами Вольного общества любителей российской словесности, президентом которого Глинка был на протяжении нескольких лет. Общество издавало журнал под названием «Соревнователь просвещения и благотворения». Таким образом, можно говорить о том, что Глинка был известен в литературной среде, у него был свой круг единомышленников. Кроме того, он был активным участником политической и интеллектуальной жизни столицы.

Вхождение в масонскую ложу, деятельное участие в ней и общение с представителями крупнейшей петербургской ложи «Трех добродетелей» повлияли на мировоззрение и религиозные представления Ф.Н. Глинки, которые нашли отражение в его сочинениях. Философские идеи масонства, воплощенные в поэмах, включают в себя следующие характерные черты:

1. Символизм, наличие множества иносказательных образов. Неотъемлемым атрибутом масонства является особая символика, которая используется для описания системы моральных правил. Сочинения Ф.Н. Глинки также содержат аллегории и метафоры, среди которых часто встречаются символы света, просвещения и поиска духовной истины.

2. Письма Глинки, его сочинения и поэмы содержат часто упоминаемые призывы поэта к просвещению и духовному развитию. Масонство также придавало особое значение личностному росту и самосовершенствованию в духовном плане, уровень которого важен для каждого участника масонской ложи и отражен в определенной иерархии степеней: ученик, подмастерье и мастер.

3. Для масонства характерно частое обращение к традициям и тесная связь с предшествующими философскими и религиозными направлениями. Глинка также высказывал мнение о ценности не только литературного наследия, но и духовного опыта предшествующих поколений.

4. Стремление к внутреннему единству является одной из главных черт масонской философии. Согласно «Конституции Андерсона», едиными должны быть, прежде всего, члены тайных обществ¹. Поэмы Глинки также отражают идеи о необходимости братского объединения и сотрудничества людей.

¹ Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем / Пер. с ит. / Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой. М.: Прогресс, 1989. С. 9-11.

Новаторство Ф.Н. Глинки и отличительная особенность его поэм состояли в том, что автор использовал в качестве основы не национально-исторические мотивы, а религиозные сюжеты, связанные с духовно-национальной, православной традицией¹. Поэтому и по форме, и по своему художественному выражению поэмы Ф. Н. Глинки отличались от классических и строго организованных сочинений Данте или Тассо, Клопштока или Мильтона.

На основе проанализированного материала сделан вывод о том, что столь долгий творческий путь поэта и некоторые особенности его творческого выбора (консервативность взглядов, ориентация на литературные традиции XVIII века и в то же время яркая самобытность, многократное употребление устаревшей лексики и авторских неологизмов, дидактичность и назидательность произведений) позволили стать творчеству Глинки неким цементирующим основанием, которое связывало два столетия, определяя и указывая нравственный вектор в развитии поэзии и назначении поэта.

Во второй главе **«Образно-мотивное пространство ветхозаветных и новозаветных книг в религиозных поэмах Ф.Н. Глинки»** рассматриваются способы трансформации новозаветных и ветхозаветных аллюзий, отдельных выражений, фраз и целых сюжетов в поэмах Ф. Н. Глинки «Видение Макария Великого» и «Иов. Свободное подражание Книге Иова».

В разделе 2.1. **«Агиографические традиции в поэме “Видение Макария Великого”»** анализируется малоизвестная поэма Ф. Н. Глинки, представляющая собой свободное переложение одного из эпизодов «Жития преподобного Макария Египетского».

Впервые «Видение Макария Великого» стало объектом изучения В. П. Зверева, в его диссертации один раздел полностью посвящен этой поэме. Позднее к ней обращался исследователь творчества Ф.Н. Глинки В.Л. Коровин, который посвятил этой поэме несколько научных статей, и он же впервые опубликовал «Видение Макария Великого»².

В нашем исследовании уточняются способы трансформации текста первоисточника («Жития преподобного Макария Египетского»), определены основные черты бестиарной символики, бытовавшей в агиографической литературе, проведены параллели между образом «вертлявого существа» в поэме и более древних источниках.

Сам Ф. Н. Глинка дает следующее определение своему сочинению: «пизэса немного старообрядческая, но оригинальная»³. К середине XIX века поэма Ф.Н. Глинки, основанная на небольшом эпизоде из жития преподобного Макария Великого и продолженная художественным вымыслом автора, обращенном к апокалиптическим картинам будущего, действительно была уникальным про-

¹ Васильева С.А. «Гармония мира» в творчестве Ф.Н. Глинки // Глинка Ф.Н. Религиозная проза. Сны и видения / Сост., подгот. текста, вступит. статья, примеч. С. А. Васильевой. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2011. С. 5-39.

² Коровин В.Л. «Видение Макария Великого» – неопубликованная поэма Федора Глинки // А.М.П. Сборник памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 463-505 (текст поэмы – с. 469-504).

³ Там же. С. 481.

изведением, не имеющем аналогов в свое время. Композиционно поэма состоит из пролога и тридцати девяти пронумерованных параграфов, которые объединены общей темой и последовательно раскрывают авторский замысел. Пролог представляет собой трансформированный эпизод из жития преподобного Макария Египетского. В полном тексте жития этого святого, содержащемся в сборнике святителя Димитрия Ростовского¹, есть описание небольшого эпизода о встрече святого с бесом, шедшем «искушать братию». В предисловии к поэме «От сочинителя» Глинка приводит краткий пересказ этого эпизода, при этом значительно изменяя его суть и некоторые детали. Поэт описывает «вертлявое существо», которое «украдкой скользило» мимо инока Макария, при этом не обладая никакими физическими формами: «это было – ни тень, ни существенность: это был один из тех образов, которые являются во сне и видимы наяву только очам *просветленным*»². За спиной у существа навешены «*стекляницы с питьем, от которого дуреют люди; удицы для уловления душ; да сеть, да капканы, да еще кое-какое снадобье*»³.

Не совпадают ответы на вопрос о цели путешествия. «Существо» говорит, что направляется в мир для искушения всех людей. В первоисточнике же на вопрос святого подвижника бес отвечает, что идет в монастырь искушать братию. При увещании искушаемого брата подвижник открывает ему тот грех, в котором инок был уязвлен, и наставляет его в благочестии. Вскоре Макарий снова встречает рассерженного беса, шедшего обратно из монастыря, и узнает от него, что вся братия «ополчилась» против демонических искушений, поэтому, осознав безрезультатность своих попыток, дьявол пообещал оставить на долгое время тот монастырь. У Глинки находим иной ответ беса, который говорит о будущем падении и растлении людей, когда «бесы станут заходить к людям разве только затем, чтоб дивиться на людей, чтоб у них учиться»⁴.

Глинка изменяет основу этого сюжета, трансформируя цель прихода нечистой силы. Вместо подвизающейся братии конкретного монастыря появляется образ всего человечества не в определенной временной точке, а в ходе развития всей мировой истории. Глинка расширяет масштабы своей поэмы до общемировых границ, подтверждая эту мысль в эпиграфе цитатой из Эттингера: «Здесь речь идет о человечестве – и судьбах человека!..»⁵. В тексте самой поэмы происходит значительная трансформация облика «вертлявого существа», поэт наделяет его звериными качествами, в поэтическом описании присутствует символизация зооморфного облика демона. Такое представление характерно для средневековой литературы и древнерусской книжности.

Поэму можно назвать «пророческой», потому что она содержит в себе предсказания поэта о будущих веках, об уровне развития всего человечества в

¹ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского / сост. Димитрий Ростовский, свт. М.: «Ковчег», 2010. Т 6. 483 с.

² Глинка Ф.Н. Видение Макария Великого / Публикация В.Л. Коровина // А.М.П. Сборник памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 469-504.

³ Там же. С. 482.

⁴ Там же. С. 484.

⁵ Там же. С. 481.

различных аспектах (в экономике, государственном устройстве, промышленности, литературе, искусстве). В предисловии к поэме Глинка затрагивает эсхатологические вопросы искусственного ускорения времени («И времена другой получают ход: “Никак у них укоротилось время!” – Заботливо шепнет знакомцу друг; <...> Десятилетия втеснятся в год, И станет всем уж – тесно от событий!..»¹), отношение поэта к которым близко к философскому пониманию временной перспективы святителем Григорием Богословом, Иосифом Оптинским. Глинка, критически оценивая стремление человека ускорить все жизненные процессы, говорит о губительности таких намерений.

Но главной целью автора было отражение в поэме духовных проблем и нравственного состояния каждого человека. Через спутанные рассказы беса о будущем Глинка раскрывает значимость волновавшей его нравственной деградации, затрагивающей и общественные порядки, и личное состояние каждого человека. В результате постепенного изменения мира под воздействием «уловов и сетей», расставленных «вертлявым существом», – потери человечеством веры и непрерывной гонки за материальными ценностями – в душах людей распространится уныние, страх, вражда, которые, по мнению поэта, приведут к массовым самоубийствам и обесцениванию самой жизни: «Тогда и жизнь они возненавидят, И, потеряв на быт за гробом веру, Возьмут на часть ничтожество и смерть, И побегут толпой к самоубийству»².

В пространстве «Видения Макария Великого» осевое значение для поэта имеет битва за все человечество в этот «дивный век», когда сознательно будет нарушена гармония между земным и небесным, поэтому сюжетное движение находится в направлении разрешения вопроса о путях нравственного преобразования как отдельной личности, так и всего мира.

Раздел 2.2. «Формы выражения религиозного сознания в поэме “Иов. Свободное подражание Священной Книге Иова”» посвящен особенностям художественной адаптации Ветхозаветной книги Иова в поэме Ф.Н. Глинки, в которой автор воплотил глубокое философское содержание.

Работу над «Свободным подражанием Священной книге Иова» Ф.Н. Глинка начал в 1834 году, впервые эта религиозная поэма была напечатана лишь спустя двадцать пять лет, в 1859 году.

Отличительной чертой поэмы является ее принадлежность к особому жанру – Глинка сам определяет его как «свободное подражание», то есть традиционное поэтическое переложение становится основой для создания оригинального по композиции, эстетике и художественным средствам произведения. «Иов» Ф. Н. Глинки существенно отличается от предшествующих переложений одноименной библейской книги³. Значительны композиционные различия текста поэмы с текстом первоисточника. Повествование в поэме организовано в

¹ Там же. С. 494.

² Там же. С. 493.

³ В русской литературе XVIII-XIX веков существовало несколько попыток художественного переложения ветхозаветной книги Иова. Например, «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова (1751), «Ода, выбранная из Иова» Н.П. Николева (1795), стихотворное сочинение С.А. Ширинского-Шихматова «Песнь Сотворившему вся» (1817).

соответствии с внутренним эстетическим замыслом поэта: Глинка добавляет обширный пролог и эпилог, многочисленные пейзажные и анималистические описания, пространственные рамки расширены, добавлен сверхъестественный мир, который занимает в поэме значимое место. Автор, тем не менее, сохраняет в точности смысл канонического текста и даже использует в некоторых местах прямое цитирование первоисточника.

Композиция библейской книги Иова выделяется среди других ветхозаветных книг строго организованной архитектоникой, которая прерывается несколькими небольшими отступлениями. Следует отметить двуплановость в структуре книги Иова. Первая часть – прозаическая, в нее входит пролог и эпилог, вторая часть – поэтико-драматическая. Глинка трансформирует четкую структуру ветхозаветной книги и вносит лирические отступления и многочисленные пейзажные зарисовки почти в каждую главу поэмы.

В поэме отдельные слова, фразы и мотивы из первоисточника служат лишь отправной точкой для создания индивидуального поэтического мира, дополненного авторской философией. Поэт уделяет особое внимание Прологу на Небе, в котором раскрывается суть истинного противостояния праведника-страдальца не Божественной справедливости, а дьяволу-клеветнику, который является главным противником не только Иова, но и всего человечества.

Поэт определил свою роль в интерпретации Священного Писания через эстетический принцип подхода к библейскому тексту: оставляя неизменным осевой сюжет, поэт дополняет его многочисленными пейзажными зарисовками и философскими размышлениями. Именно подобный взгляд на текст отличает его религиозную поэму от святоотеческих толкований и церковных сочинений. Такие образные иллюстрации природы и животного мира библейского Востока («Белелся, длинными рядами, Шатерный город подвижной, — Его раздольный кочевой Стан пастырский в долинах Уца»¹; «Над пустыней Взшло уж солнце высоко, И тень уже – у корня пальмы. Бегут и стадо и пастух Укрыться в дол под кипарисы»²), быта и окружающей обстановки древних патриархов («В пустыне виден людный град; Там деется мена и купля; Шумит на торжище толпа <...> Пленяют ткани пестротой, Цвета любимые в пустыни– Багряный, ярко-желтый, синий В изделиях радужных горят <...> И веет тонкий аромат От мирры, амбры и алая: Купцы Феманские купцам Саввейским продают бальзам, Мускат и ладан благовонный»³) – естественным образом возникали из содержания ветхозаветной книги, не затрагивая и не изменяя ее основной смысл.

Глинка стремился в точности воспроизводить историко-культурные особенности местности, чтобы создать восточный колорит. Например, в сообщении слуги о падении шатра на детей Иова поэт включает не характерные для краткого трагического диалога и типичные для восточной культуры сравнения внешних качеств детей патриарха с растительным и животным миром: «И три

¹ Глинка Ф.Н. Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. СПб.: Тип. Королев и К°, 1859. 173 с.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 12.

сестры *цвели, как пальмы*; И, как *пустынные орлы*, Твои сыны, легки и здоровы!»¹ (*курсив мой. – А.Д.*).

Значительны композиционные различия текста поэмы с ветхозаветной Книгой Иова. Повествование в поэме организовано в соответствии с внутренним эстетическим замыслом поэта: Глинка добавляет обширный пролог и эпилог, многочисленные пейзажные и анималистические описания, усиливает драматизацию повествования, расширяет пространственные рамки поэмы, добавляя сверхъестественный мир, которому отведено значимое место. Автор, тем не менее, сохраняет в точности смысл канонического текста и даже использует в некоторых местах прямое цитирование первоисточника и новозаветных текстов. Пространное описание внутренних переживаний праведного Иова отражает глубокое знание Глинкой святоотеческого наследия, на которое поэт ссылается в предварительном комментарии к поэме.

Таким образом, в проанализированных поэмах Ф.Н. Глинки отдельные слова, фразы и мотивы из первоисточника служат лишь отправной точкой для создания индивидуального поэтического мира, дополненного авторской философией. Если в «Иове» поэт уделяет особое внимание раскрытию истинного противостояния праведника-страдальца не Божественной справедливости, а дьяволу-клеветнику, который является главным противником как Иова, так и всего человечества, то в «Видении Макария Великого» это противостояние переходит на уровень открытого конфликта, в котором человек лишается надежды только на собственные силы и может лишь смиренно просить о помощи Свыше.

Глава 3. «Трансформация библейской истории в поэме “Таинственная капля. Народное предание”» посвящена анализу композиционной структуры, особенностей сюжетообразования, роли многочисленных авторских отступлений, принципов поэтической адаптации библейских текстов и механизмов включения сакральных элементов в «библейской эпопее» Ф. Н. Глинки.

В «Таинственной капле» Ф. Н. Глинка основное переложение евангельской истории совмещает с сюжетами из ветхозаветных событий, добавляя лирические отступления и поэтические картины потустороннего мира, как небесного, так и подземного. Завершают поэму апокалиптические пророчества о грядущем Суде и Небесном Царстве и авторские пояснения и примечания, которые поэт посчитал важным добавить к каждой главе поэмы не только для формирования более точного авторского восприятия, но и в подтверждение чистоты своих взглядов для цензурного комитета.

В поэме в прямой хронологической последовательности, но с многочисленными лирическими отступлениями располагаются 94 главы, которые отличаются и в жанровом, и в метрическом отношении. Каждая из них посвящена определенному, относительно законченному библейскому или апокрифическому сюжету, но при этом все главы подчинены осевому сюжету.

В поэме сфокусированы разные «языки» времени, с помощью которых Глинка создал новые эстетические формы, совмещающие богословское содер-

¹ Там же. С. 7.

жание и художественное выражение, органично вошедшие в мировой литературно-исторический процесс, по определению Н. Д. Головановой, представляющий собой «гетерогенную систему, аксиоматику которой составляют догматы христианской Церкви, а конгломератику – культурная память, из которой эксплицируются (в зависимости от этнических, сакральных, мировоззренческих и других установок) семиотические элементы, получающие свое развитие или трансформацию в ходе исторических преобразований»¹.

«Таинственная капля» стала точкой соприкосновения генетически схожих семиотических единиц, она включает в себя и просторечные выражения, и элементы средневековой архаики, и сакральный осевой сюжет, и десакральные отступления. Прослеживаются и традиции западноевропейской религиозной поэзии, и исконно русские традиции духовной песенной культуры странников, калик переходящих.

В разделе 3.1. «История создания и публикации поэмы Ф.Н. Глинки “Таинственная Капля”» представлены некоторые фрагменты из истории взаимоотношений поэта с духовной цензурой, проанализированы возможные причины возникновения препятствий со стороны цензоров и трудностей с пропуском поэмы в печать.

В разделе 3.2. «Авторская интерпретация апокрифической легенды в поэме “Таинственная Капля”» раскрывается роль осевого сюжета поэмы, основанного на апокрифической легенде о попадании Святого Семейства в плен к разбойникам на пути в Египет, где молоком Богородицы был исцелен сын атамана. Анализируются особенности художественной адаптации Глинкой сюжета первоисточника, выявлено место главного героя в общем замысле поэмы. Определено значение катарсиса в трансформации жизненного пути героя.

Молодой разбойник, являющийся главным героем основной сюжетной линии, обладает характерными чертами романтического героя – исключительного героя в исключительных обстоятельствах. Он живёт среди своих собратьев по ремеслу, но ничто из окружения не привлекает его, он дистанцируется от своего круга. Уникален образ мыслей Дисмаса: находясь в непрерывном духовном поиске, он задаёт философские вопросы о смысле существования, о смерти, о жизни и людях. Принятое в разбойничьей среде понимание жизни вступает в противоречие с его внутренним миром, и он ищет свой собственный смысл жизни: «Что значит жизнь? – Загадка, для живущих Живем, а как?... не понимаем сами!» (Глинка. Таинственная капля. С. 95). Конфликт со средой порождает романтический мотив одиночества, разбойник обретает покой только в отдалении от людей, наедине с природой и своими мыслями: «Он, прочь от нас, сидел сам одинок, А на устах его слова играли» (Глинка. Таинственная капля. С. 112). В поэме находит отражение романтическая концепция двоимирия, воплощенная не только в осевом сюжете, но и в многочисленных лирических отступлениях: действия органично охватывают и реальное, и сверхъестественное пространство, события разворачиваются и на земле, и в первозданном рае, и в преиспод-

¹Голованова Н. Д. Проблематика и поэтика духовной драмы Святителя Димитрия Ростовского. Дис. <...> канд. филол. н. Ярославль, 2002. С. 7.

ней. Кроме того, двоемирие реализуется через романтический мотив мечты, который является неотъемлемым атрибутом главного героя. В своих снах, мечтаниях и видениях разбойник представляет иной, идеальный мир, который ничем не связан с обыденностью. В осевом сюжете поэмы актуализируется мотив странствия в поисках недостижимого идеала, заключающегося для разбойника в обретении душевного мира и покоя. Мотив поиска недостижимого идеала претерпел трансформацию, и идеал становится достижимым для героя через катарсис и духовное прозрение разбойника во время крестной казни.

Осевой сюжет пронизывает почти всю структуру «Таинственной капли», но при этом он многократно перемежается авторскими отступлениями и дополнительными включениями, состоящими из микросюжетов и целых тематических блоков – переложений новозаветной и ветхозаветной истории. Так, например, объемный раздел о жизни и учении Христа прерывается отсылкой к истории разбойника, который впервые в сознательном возрасте видит проповедующего на горе Мессию и в этот момент обретает веру.

В разделе 3.3. «Эпизоды Священного Писания как самостоятельные микросюжеты в поэме “Таинственная Капля”» определены принципы поэтического переложения ветхозаветных сюжетов о создании мира, грехопадении и изгнании из рая первых людей и краткого переложения древнейшей истории человечества. Также проанализированы механизмы и особенности парафразирования новозаветных сюжетов о жизни и учении Христа в разделе поэмы «Черты из земной жизни Христа». Рассмотрена специфика переложения библейских притч, дополненных Ф.Н. Глинкой собственными философскими размышлениями и назиданиями современникам и потомкам.

Центральный сюжет, связанный с апокрифическими событиями из жизни разбойника, дополняется многочисленными отступлениями и отсылками к библейской истории Ветхого и Нового Завета. Можно сказать, что при формировании композиции поэмы Глинка старался выполнить две разнонаправленные задачи: одна из них заключалась в стремлении совместить отдельные, систематически неорганизованные эпизоды и главы для формирования определенного художественного единства поэмы, а вторая состояла в желании сохранить многообразие, разноуровневость и неоднородность мироустройства, сконструированного автором. Глинка стремился показать в масштабе отличия и детализированное разнообразие трёх миров, составляющих пространство поэмы. В выборе ветхозаветных сюжетов для переложения истории о грехопадении человека, далеком «грустном миге», как его характеризует Глинка (раздел поэмы «Предание и событие»), поэт ориентировался на книгу Бытие (1: 26–31; 2: 1–25; 3: 1–24). Содержание центрального библейского сюжета Глинка оставил неизменным, но значительно расширил основные образы, дополнив раздел многочисленными пейзажными зарисовками, диалогами прародителей с ангельскими существами и животными, а также их наставлениями к потомкам: «Семья преступного Адама! Ты страдание в наследство получаешь!..» (Глинка. Таинственная капля. С. 45). Кроме того, в раздел включена глава «Песнь Ангелов», в которой небесные силы сокрушаются о падении «хозяина молодой вселенной» (Глинка. Таинственная капля. С. 44).

Следующие главы («Встреча с раввинами во храме», «Глас в пустыне», «Клик Иордана», «Явление Неведомого», «Глас Истины в чертогах Ирода», «Обезглавленный», «Пир», «Тимпан», «Тайный голос у гор Палестины», «Первозванные», «Искушение в пустыне») последовательно повторяют евангельскую историю до момента выхода Христа на служение. Важное значение, которое можно определить по степени раскрытия сюжета и объему глав, посвященных этой теме, отводится предваряющей роли Иоанна Крестителя и его проповеди, в которой Глинка усматривал вневременной призыв к покаянию и исправлению своих деяний перед грядущим Судом не только для современников самого пророка, но и, преимущественно, для своего поколения: «Когда растает гордость, слава, в градах и вёсях станет стон, и чад Адамовых держава пройдет как дым, как смутный сон! Тогда глагол живой, из праха воспрянув, вам, трепетным от страха, он даст свой огненный урок» (Глинка. Тайнственная капля. С. 63). Отдельный и достаточно объемный раздел «Черты из земной жизни Христа» содержит поэтическое переложение Нагорной проповеди, евангельского учения и притч Христа, которые Глинка иногда дополняет святоотеческим или индивидуально-авторским толкованием.

В разделе 3.4. «Роль лирических отступлений в сюжетобразовании поэмы» определены художественные функции и смыслообразующее значение включения в поэму многочисленных лирических отступлений, представляющих собой картины небесного мира и преисподней, сверхъестественных явлений, диалогов и иных форм коммуникации между потусторонними силами (разделы поэмы «Хор в вышине», «Молитва», «Песнь Ангела утра», «Песнь горам», «Поднебесная», «Встречи, беседы и песни Ангелов», «Молва в преисподней», «Царь огней»). В пространных описаниях потустороннего мира Глинка совмещает традиционное описание рая и ада, изложенное в агиографических источниках¹, с народными представлениями о грядущей участи праведников и грешников. Кроме того, в описаниях адских мучений нашли отражение собственные взгляды поэта, связанные с его увлечением масонством. В «обителях подземных» души осужденных на вечное страдание грешников вынуждены терпеть бесконечную тревогу, а все окружающее их пространство «полно тоски и страхований, и тысячи сливаются стенаний в прощальный плач» (Глинка. Тайнственная капля. С. 332). Масштабное описание адских мучений, содержащееся в главе «Очерки ада и стран подземных», завершается перечислением нескольких губительных «ветров» (за «ветром уныния» следует «ветр отчаяния», затем вражды и ярости), сменяющих друг друга и усиливающих земные пороки осужденных, приводят к финальной нескончаемой битве между грешными душами, пораженными самой сильной страстью гнева: «А между тем, в шуме тревог, раздор трубит в свой звонкий рог, и все жестеет гнев сугубый» (Глинка. Тайнственная капля. С. 338). В то же время в небесные обители принимаются

¹ Описание рая содержится в Житии преподобномученицы Евдокии (память 1/14 марта), мученицы Марии (память 12/25 июля), мучеников Тимофею и Мавре (память 3/16 мая), блаженной Феодоры (11/24 сентября), блаженного Андрея Юродивого (2/15 октября). См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского / сост. Димитрий Ростовский, свт. М.: «Ковчег», 2010. 483 с.

праведные души, которые сподобились наследовать блаженство в служении с «кликами ангелов». В представлении Глинки рай сотворен из «кристального эфира», при этом пространство над земной поверхностью является природным «небом», а райские обитатели находятся на иных, духовных «небесах», состоящих из трех частей, в каждой из которых есть свои небожители и ангельские хоры (Глинка. Таинственная капля. С. 66).

На основе проанализированного материала можно сделать вывод о структуре поэмы, которая подчинена авторской концепции. В ней отражен взгляд поэта на устройство всей Вселенной: от блаженного состояния первых людей до грядущего Суда и последующего пребывания всего человечества в ином мире. В данной модели мироустройства можно выделить главные смысловые антитезы нравственно-этического и онтологического характера: мир духовный (небесный) – мир материальный (земной), герой-праведник – антагонист-грешник, добродетель – порок, силы ангельские – демонические силы и др. Эти оппозиции многократно встречаются в пространственной и смысловой организации поэмы.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные результаты и намечаются перспективы дальнейшего изучения духовной поэзии Ф.Н. Глинки.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Дроздова А.О. Образ Адама в поэме Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. № 3 (70). 2021. С. 208-213.
2. Дроздова А.О. Беседа Христа с самарянкой в поэме Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. № 1 (72). 2022. С. 247-250.
3. Дроздова А.О. Русские религиозные поэмы как венец романтизма («Таинственная капля» Ф.Н. Глинки и «Агасфер. Странствующий жид» В. А. Жуковского) // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. № 1 (73). 2023. С. 206-211.

В других изданиях

1. Дроздова А.О. Поколение 1812 года в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки // Поколение как сюжет: Статьи и материалы / Ред. С.А. Васильева и др. Сост. А.Ю. Сорочан. Тверь: ООО «Альфа Пресс», 2022. С. 122-129.
2. Дроздова А.О. «Дивный век» в поэмах Ф.Н. Глинки // Век как сюжет: Статьи и материалы / Ред. С.А. Васильева и др. Сост. А.Ю. Сорочан. Тверь: ООО «Альфа Пресс», 2023. С. 156-161.
3. Дроздова А.О. «Мир шумит и мир тревожится...»: художественные средства создания категории тревожности в поэмах Ф.Н. Глинки // Неканоническая эстетика. Вып. 10: Все тревоги мира: Тревожность в литературе и искусстве: Сб. статей. СПб.; М.: ООО «Сам Полиграфист», 2023. С. 223-229.
4. Дроздова А.О. Мотив узнавания в сюжете о встрече Христа с народом в поэме Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» // Неканоническая эстетика. Вып. 9: Все озарения мира: Анагноризис в литературе и искусстве: Сб. статей. СПб.; М.: ООО «Сам Полиграфист», 2022. С. 56-62.